

ЛОГИЧЕСКОЕ КАНТОВЕДЕНИЕ

Логика понятий как предпосылка кантовской формальной и трансцендентальной логики

ТОМАС М. ЗЕЕБОМ

(Университет им. Иоганна Гутенберга; Майнц, ФРГ)

Во введении ко второму изданию «Критики чистого разума», а также и по другим случаям, Кант говорил, что логика со времен Аристотеля встала на твердый путь науки и с тех пор не смогла сделать ни одного шага вперед (В VIII—3, 182)¹. Это суждение вводит читателя в заблуждение прежде всего потому, что, руководствуясь этим суждением, изучающий кантовскую критическую философию не сможет понять, что кантовская концепция формальной логики, т. е. чистой логики, принадлежит к традиции, отталкивающейся от знаменитой «Логики Пор-Рояля»². Для всей этой традиции логики нового времени, *Logik der Neuzeit*, свойственна радикальная критика основных понятий Аристотеля. Уже Арно (а) отвергал аристотелевские категории, предикаты, как произвольное собрание понятий, (b) сводил теорию *praedicabilia**, или *quinque voces*, к своей классификации идей и (c) рассматривал аристотелевскую теорию силлогизма как теорию, полную излишних тонкостей и в целом не очень полезную³. Кант критиковал список аристотелевских категорий по сходным основаниям и писал о ложном мудрствовании в четырех фигурах силлогизма (В 107—3, 175—176)⁴. Хотя Кант в некоторых весьма существенных пунктах (о них речь пойдет позже) отходит от ранних этапов развития традиции, к которой принадлежит его концепция логики, он тем не менее принадлежит к традиции, начинающейся с «Логики Пор-Рояля» и заканчивающейся Гегелем.

Кантовское суждение о логике и ее истории выглядит особенно ошибочным в наши дни и особенно для читателей, хорошо знакомых с логикой XIX и XX веков, т. е. с логической традицией, опирающейся на тезис экстенциональности, а следовательно, на референциальную семантику. Основываясь на этих предположениях, можно во всех отношениях удовлетворительно эксплицировать аристотелевские теории суждения и силлогизма. Правда, существует некоторое затруднение, связанное с тем, что аристотелевская интерпретация суждений с квантором общности подразумевает экстенциональное истолкование. Однако допущение о непустоте множества, выделяемого предикатом, играющим роль термина-субъекта, порождает проблему только для адекватного перевода высказываний с квантором общности, а эту проблему можно решить без особых трудностей. Таким

* Предикации, производные понятия (лат.). — *Прим. перев.*

образом, в XX веке читатели под влиянием ошибочного высказывания Канта о логике испытывают искушение понять кантовскую концепцию логики как концепцию, которую можно эксплицировать с помощью современной формализованной логики. Одно из следствий этого заключается в том, что кантовское различение аналитических и синтетических суждений либо понимается неправильно, либо вообще становится бессмысленным.

Кант не воспринял первые попытки разработки логики в рамках тезиса экстенциональности. Он так и не заметил, что не только техника, разрабатываемая Эйлером и Плуке, но уже лейбницевская концепция *characteristica universalis** и *mathesis universalis*** следовали парадигме, которая никоим образом не была совместима с концепцией логики, принятой в той традиции, которой он сам следовал. Кстати, Гегель вполне сознавал специфический характер этой другой концепции логики и осуждал эту радикально непонятную трактовку понятия как наиболее выродившуюся и самую пустую трактовку логики⁵.

Однако кантовскую оценку логики все же можно реконструировать в рамках тезиса экстенциональности, если учесть некоторые замечания из «Критики чистого разума». Согласно этой оценке такая логика не будет принадлежать к области чистой логики в кантовском смысле, однако сама оценка уже не будет столь уничижительной, как гегелевская. В «Критике чистого разума» довольно полно представлена кантовская трансцендентальная теория арифметики. Намного труднее найти соответствующую трактовку алгебры. Только два отрывка в «Учении о методе» полезны в этом отношении (В 746, 762—3, 603—604). Эти высказывания можно резюмировать следующим образом:

(1) Алгебра представляет собой конструкции конфигураций символов или букв в соответствии с правилами созерцания.

(2) Правила определяются созерцанием отношений между величинами (*Größen*).

Если теперь в (2) заменить термин «величина» на термин «множество», то вы получите философское суждение Канта об истинной природе булевой алгебры и вообще о любой алгебре логики. Однако верно ли, что множества и их отношения могут быть даны только в созерцании и только при помощи созерцания? В рамках философии Канта мы должны ответить «да». Множества состоят из элементов, и, по крайней мере в логической теории, мы вводим элементы в рассмотрение, обозначая их при помощи индивидуальных переменных и индивидуальных констант, если последние вообще допускаются. Что такое элемент, однако, мы знаем первоначально, поскольку мы знаем, что такое индивидуальный предмет. Однако, по Канту, индивидуальные сингулярные предметы даются только в созерцании. Чи-

* Универсальная характеристика (лат.). — Прим. перев.

** Универсальная математика (лат.). — Прим. перев.

стый разум, пытающийся сконструировать понятие индивида в «идеале чистого разума», тщетно пытается обнаружить предмет, соответствующий этой конструкции (В 599—601,—3, 503—505). Таким образом, на языке Канта наше понятие множества представляет собой понятие агрегата «индивидов», «предметов», данных в пространстве. С кантовской точки зрения, в дальнейшем допустимо ввести некоторые абстракции, например, единичного множества, пустого множества и т. п. Конструкция абстрактных сущностей вообще является обычной для математики процедурой.

Из сказанного вытекают некоторые радикальные следствия.

(1) Современная логическая теория, даже если она говорит о возможных мирах, т. е. о множествах множеств положений дел, является математической теорией в кантовском смысле. Созерцание является одним из условий ее возможности.

(2) Если современную логическую теорию или, по крайней мере, некоторую ее часть можно рассматривать как логику, то это — «логика частного применения рассудка, содержащая правила правильного мышления о предметах определенного рода», *logica specialis**. Эти предметы представляют собой множества, а теория множеств представляет собой самую основу математической логики и, следовательно, представляет собой *logica specialis* математики (В 76—3, 155).

(3) С кантовской точки зрения, можно утверждать, что существует обширная область, в которой этому типу частного применения логики приписывается объективная значимость. Это — область всех предметов опыта. Именно потому, что данная *logica specialis* представляет собой *logica specialis* математики, область ее объективной значимости составляет область аксиом созерцания и антиципаций восприятия. Поскольку предметы опыта являются единственными предметами, которые признаются эмпириками, то отсюда следует, что эта *logica specialis* представляет собой единственную логику, которая необходима для логического эмпиризма, конструктивного номинализма и тому подобных теорий.

(4) *Logica specialis* представляет собой результат применения принципов *logica pura*** , общей и чистой логики (В 77—3, 156—157)⁶ к определенной области объектов. Если принять во внимание трансцендентальный и критический смысл работы Канта, он более всего нуждается в *logica pura*, которую можно было бы использовать и в других областях. Ведь имеются еще, во-первых, ноумены, во-вторых, идеи чистого разума и идеал чистого разума. Последние представляют собой понятия, составленные из понятий, т. е. чисто концептуальные конструкции, вообще не обозначающие никакого объекта созерцания. Само по-

* Частная, специальная логика (лат.).— *Прим. перев.*

** Чистая логика (лат.).— *Прим. перев.*

строение таких понятий предполагает логику. К тому же в метафизике существуют определенные доказательства, даже если они потом подвергаются критике. Это — доказательства чистого разума, т. е. доказательства, в которых рассматриваются только понятия и отношения между понятиями.

(5) В кантовском анализе возможного опыта различаются «доказательства» и «дедукции». Этот анализ не является анализом предметов опыта, и, следовательно, в данном случае опять применяется «чистая логика». Кант приводит не только примеры, заимствованные из метафизики, но пользуется и примерами из своей трансцендентальной теории при обсуждении «трансцендентальных доказательств» и задачи «правильного выведения оснований познания трансцендентального доказательства» в разделе «Дисциплина чистого разума в отношении его доказательств» (В 81 — 3, 646—654).

Сказанное представляет собой результат конструирования — конструирования возможной кантовской оценки логики XIX и XX веков наряду с некоторыми замечаниями о том, чем должна быть, по Канту, чистая логика. В качестве текстуального базиса использованы только два замечания Канта об алгебре. Те, кто исповедуют филологический подход к Канту, вряд ли будут удовлетворены такой реконструкцией. Следовательно, необходимо удовлетворить их запросы, проинтерпретировав то, что Кант говорил о чистой логике в других местах. Сначала я приведу общую характеристику «чистой логики». В этом пункте также будет необходимым прояснить различия между собственно кантовской концепцией логики и концепцией, развитой в той традиции, к которой принадлежал Кант. Затем можно будет поставить вопрос, удовлетворяет ли кантовская формальная логика этим условиям, и если — да, то каким образом?

Первым разделом логики в аристотелевской традиции была теория *praedicabilia*, рода, вида, видового отличия и *proptium** теория предикаментов, категорий. Эта часть логической теории была заменена в современной посткартезианской логике теорией идей или представлений. Уже согласно Арно идеи ни в коем случае не ограничены теми идеями, которые могут быть представлены образами воображения. Для аристотелевской традиции характерно, что индивид играет важную роль в теории *praedicabilia*. Все предикаты в конечном счете являются предикатами индивидов, а индивид — это то, что не может быть предикатом. Тот факт, что аристотелевская интерпретация общего суждения влечет за собой утверждение о существовании, также говорит в пользу стоящей за ней экстенциональной интерпретации, ссылающейся на индивиды и множества индивидов, а не против нее.

---

* Собственное — одно из четырех классов сказуемых согласно аристотелевской «Топике». — *Прим. перев.*

Арно в своей классификации идей или представлений кратко упеминает идеи или представления индивидов. Однако они не играют сколь-нибудь существенной роли. То, что он говорит о содержании и объеме⁷ идей, совпадает с тем, что Кант говорит о содержании и объеме понятий. То же самое верно и для трактовки суждений в логике. Кант, который использует термин «идея» только в своей трансцендентальной диалектике и говорит, что значение, придаваемое этому термину в традиции, начинающейся с Декарта, вводит в заблуждение (В 376—3, 354), дает другую классификацию «представлений». Приводимое им радикальное различие между созерцанием и рассудком приводит к резкому различию между представлениями, сопровождаемыми сознанием, связанным с созерцанием, и представлениями, принадлежащими к рассудку, концептами или понятиями, *notiones* (В 377—3, 354). Идея для него представляет собой понятие, составленное из понятий. Согласно кантовской трансцендентальной теории индивидуальные предметы даны только в созерцании. Следовательно, они не принадлежат к царству понятий. Тогда мы должны также предположить, что индивиды вообще не играют никакой роли в кантовской чистой логике. Однако из этого предположения вытекает, что вся концепция чистой логической теории, включая теорию суждений и силлогизмов, должна быть развита как теория отношений исключительно между понятиями.

То, что говорится об отношении между чистой логикой и трансцендентальной логикой в «Критике», принадлежит к тому же направлению. Трансцендентальное знание не является знанием о том, что некоторое понятие является понятием *a priori*, но знанием о том, каким образом некоторое понятие может быть применено к объектам *a priori*, т. е. каким образом понятие *a priori* может обозначать объекты. Проблема применения или референции эмпирических понятий не является проблемой исключительно трансцендентального знания, поскольку способ, каким они могут обозначать предметы опыта, совершенно ясен (В 25, 80/81—3, 121, 157—159). Они обозначают свои предметы, потому что сами происходят из опыта. Следует, однако, учитывать, что Кант более развернуто объясняет «условия возможности» референции эмпирических понятий. Предпосылкой референции в этом случае выступает схематизм репродуктивного воображения, который, в свою очередь, предполагает схематизм продуктивного воображения, т. е. трансцендентальную функцию (В 180/81—3, 223—224). Проблема референции, следовательно, существует только для трансцендентальной логики. Чистая общая логика, наоборот, «отвлекается... от всякого содержания познания, т. е. от всякого отношения его к объекту, и рассматривает только логическую форму в отношении знаний друг к другу, т. е. форму мышления вообще» (В 79—3, 157).

Главное отличие трансцендентальной логики от чистой фор-

мальной логики состоит в том, что первая интересуется вопросом о референции, а вторая — нет. В логике нашего века, наоборот, референция является основным понятием семантики, а семантика является последним основанием для всех вопросов, касающихся логической теории, например, корректности и полноты логической теории или теорий.

К данному контексту мы должны добавить только очевидное заключение. Мышление является занятием рассудка. Представления рассудка суть понятия. Формы отношений между фрагментами знаний представлены, следовательно, отношениями между понятиями. Чистая общая логика, таким образом, в качестве своего базиса имеет теорию понятий. Все остальные отношения между фрагментами знаний следует эксплицировать в терминах этой базисной дисциплины, в которой ни индивидуы, ни референция не играют никакой роли. Теперь нам следует установить, удовлетворяет ли кантовское изложение формальной логики этим требованиям, и если — да, то каким образом.

Дадим некоторые характеристики кантовской формальной логики.

1. Кантовская теория понятий.

1.1. Познание через понятия есть познание при помощи признаков.

А. Мы познаем понятие при помощи признаков, если и только если:

а) признак представляет собой часть того понятия, которое познается при помощи этого признака, и

б) данный признак является также частью других понятий.

В. Каждый признак может рассматриваться с двух точек зрения:

а) как часть понятия;

б) как понятие, которое само обладает признаками.

Все понятия являются признаками, и только понятия являются признаками. Понятие и признак различаются только будучи рассмотрены сразу в двух измерениях, т. е. признак сам рассматривается как понятие, если мы полагаем, что он сам содержит признаки⁸.

1.2. Два понятия признака связаны друг с другом или отношением включения, т. е. второй представляет собой признак первого, или отношением исключения, т. е. второй не является признаком первого, *tertium non datur*⁹.

1.3. Если понятие включает два признака и второй из них или является отрицанием первого, или включает отрицание первого как один из своих признаков, то это понятие противоречиво. Противоречия в понятиях следует избегать, поскольку противоречивые понятия обозначают все, т. е. они вообще ничего не обозначают. К тому же если в понятии имеется противоречие, то можно вывести два суждения, каждое из которых является «ложным»: круглый квадрат — кругл, он — не кругл (4(1), 163)¹⁰.

1.4. Признак называется непосредственным, если он не является частью какого-либо понятия только на том основании, что он представляет собой признак признака. Каждое понятие обладает своими непосредственными признаками, скоординированными в некотором агрегате признаков. Непосредственные признаки не упорядочены и связаны конъюктивно. Содержание понятия детерминируется его агрегатом признаков¹¹.

1.5. Признак подчинен другому признаку, если второй встречается как часть данного понятия только в силу того, что он представляет собой признак первого. Признаки, следовательно, составляют ряд субординации. С формальной точки этот ряд обладает первым наивысшим членом: признак, у которого есть только один признак,— он сам. Не существует самого низшего признака. Ряд признаков неопределенно открыт в этом направлении. Другими словами, формально не существует низшего вида, для которого уже нельзя найти подвидов. Также возможно обнаружить неопределенное число посредствующих признаков между любыми двумя признаками, один из которых подчинен другому. Подчиненный признак представляет собой понятийное следствие, признак, которому он подчинен, представляет собой понятийное основание: он составляет основание познания низшего признака. Подчиненные признаки следуют друг за другом в ряду следствий¹².

1.6. Каждый признак, рассматриваемый как понятие, также обладает «под» собой сферой или объемом понятия, признаком которого он является. Понятия, составляющие эту сферу, исключают друг друга при помощи строгой дизъюнкции. Другими словами, если дан некий признак, который составляет основание познания других, то мы получаем несколько ветвящихся рядов подчинений. Получающаяся пирамида подчиняется закону обратного отношения интенционала, или содержания, т. е. агрегата координированных признаков, и объема, т. е. сферы, состоящей из дизъюнкции понятий, включающих этот признак в качестве непосредственного. Отметим, что объем понятия в логике понятий представляет собой объем понятий, а не индивидов, включающих это понятие в качестве признака¹³.

2. Задача чистой логики заключается в том, чтобы эксплицировать суждения в терминах учения о понятиях.

2.1. Количество:

а). общее суждение = df: если сфера первого (субъекта) полностью включается в сферу второго (предиката);

б) частное суждение = df: если сфера первого частично включается в сферу второго, а частично исключается из нее;

с) единичное суждение = df: если первое не имеет сферы.

Рассматриваемые в чистой логике единичные суждения не отличаются от общих суждений. Первое полностью включается в сферу второго. Следовательно, в чистой логике единичным суждениям не дается особой интерпретации. Однако в трансцен-

дентальной логике рассматривается вопрос об обозначении индивидуального объекта. Следовательно, единичные понятия получают в ней специальную интерпретацию. Заметим, что в современной экстенциональной логике единичные суждения сводятся к частным суждениям, к суждениям с кванторами существования, а не к общим суждениям.

Частные суждения представляют для чистой логики определенный интерес, если и только если они получаются из общих суждений при помощи обращения и, таким образом, могут быть названы рациональными частными суждениями. Это означает: частные суждения современной логики, представленные при помощи квантора существования, не рассматриваются в кантовской чистой логике, потому что они не являются рациональными¹⁴.

2.2. Качество:

a) утвердительное =df: первое содержится под сферой второго;

b) отрицательное =df: первое не находится под сферой второго;

c) бесконечное =df: первое расположено вне сферы второго, но принадлежит другой сфере, которая бесконечна, поскольку она определена как сфера, расположенная вне сферы второго.

Чистая логика абстрагируется от всякого содержания. Следовательно, она особо не рассматривает случай понятия = предиката, которое обладает бесконечной сферой. Бесконечное суждение рассматривается как утвердительное суждение. В трансцендентальной логике дело опять обстоит по-иному. Поскольку она рассматривает отношение к объектам, референцию, она проводит различие между тем, когда объект принадлежит к конечному или бесконечному множеству вещей (*unendliche Menge der Dinge*)¹⁵.

2.3. Отношение и модальность.

2.3.1. Функции суждений, которые называются суждениями отношения, в кантовской логике весьма своеобразны. (1) Сам Кант упоминает, что многие логики — нам следует добавить: в известной ему традиции — пытались понять гипотетические и разделительные суждения как модификации категорического суждения. Согласно Канту отношение в разделительных и гипотетических суждениях представляет собой отношение между двумя или более проблематическими суждениями и не может быть сведено к отношениям между субъектом и предикатом¹⁶. (2) При экспликации суждений отношения Кант использует, а следовательно, и предполагает, модальности, т. е. разделение между проблематическими, асерторическими и аподиктическими суждениями. (3) Значение того, что он говорит об отношениях и модальностях в суждениях, можно понять, только если принять во внимание принципы категорического, гипотетического и разделительного силлогизмов. Большая посылка в силло-

гизмах представляет собой правило, под которое подводятся другие суждения, а это правило есть не что иное как категорическое, гипотетическое и разделительное суждение. Различные правила различных силлогизмов выводятся из дальнейших экспликаций этих суждений.

2.3.1.1. То, что Кант говорит о модальностях суждений, можно понять без ссылки на отношения в суждениях. Я перечислю некоторые характерные черты его трактовки модальностей. (1) Модальности представляют собой модальности суждений в формальной логике, т. е. они, как мы могли бы сказать, являются модальностями *de dicto*, а не модальностями *de re*¹⁷. Этот тезис в системе Канта совместим с тезисом, согласно которому с точки зрения трансцендентальной логики категории модальности в определенном смысле представляют собой модальности *de re*. Для многих нынешних целей нет необходимости детально объяснять, почему это так.

(2) Проблематические суждения — это суждения, в которых вопрос об истинности или ложности оставлен открытым или решается произвольно, включая и вопрос о том, является ли суждение необходимым или нет¹⁸. Суждение «проблематично, что *p*», следовательно, не имеет ничего общего с обычным пониманием суждения «возможно, что *p*». В рамках кантовских определений суждения «возможно, что *p*» и «необходимо, что *p*» не являются взаимоопределяемыми с использованием отрицания. Какова природа проблематических суждений, можно правильно понять только в сравнении с «ассерторическими суждениями».

(3) Различие между проблематическим и ассерторическим суждениями представляет собой различие, которое детерминирует различие между суждениями *judgements* и высказываниями (*statements*)*. Говорить о «проблематическом высказывании» означает, по Канту, впасть в противоречие. Утверждение и отрицание ассерторических суждений или высказываний, по Канту, вполне может быть истинным¹⁹. Это означает, что Кант считает утвердительное высказывание ложным, если его отрицание истинно, а его отрицание ложно, если само высказывание истинно. Только ассерторические высказывания могут обладать истинностными значениями. Проблематические суждения могут быть названы «ложными», только если понятия, связанные в таком суждении, являются противоречивыми. Они «истинны», если из этой связи не возникает противоречия. Следовательно, противоречие понимается как вышеупомянутое противоречие понятий. «Ложность» проблематических суждений представляет собой в этом смысле аналитическую ложность, их «истин-

* Кант использует немецкий термин *Satz*. В русском переводе «Логика» этот термин передан как «положение». В тексте данной статьи я буду переводить «*Statement*» в соответствии с устоявшейся традицией как «высказывание». — *Прим. перев.*

ность» — аналитическую истинность (В 190/191—3, 229—230). Противоречивые понятия ничего не обозначают. Таким образом, отсюда следует, что аналитически ложное суждение не может быть частью ассерторического суждения или высказывания, поскольку высказывание истинно или ложно в собственном смысле, т. е. обладает применимостью или референцией. Поскольку принцип непротиворечия является принципом чистой логики, то чистая логика в узком смысле ограничена областью проблематических суждений. Чистая логика имеет значение для ассерторических суждений только потому, что суждение может быть ассерторическим суждением, только если связанные в суждении понятия не противоречат друг другу.

Кантовское объяснение аподиктических суждений весьма кратко. Кант дает номинальное определение: аподиктическое суждение представляет собой логически необходимое суждение, т. е. его отрицание «ложно»²⁰. Это имеет место только в том случае, когда ассерторическое высказывание определяется законом рассудка (В 101—3, 172). Согласно его «Логике» мы можем распознать необходимость высказывания только при помощи вывода разума. Другими словами, суждение или высказывание необходимо, только если оно встречается как заключение силлогизма²¹.

2.3.1.2. Субъект и предикат представляют собой материю категорических суждений. Форма их связи представлена связкой²². Это звучит странно, поскольку трудно понять, каким образом можно, не используя связку, выразить качество и количество суждений. Примеры, приводимые Кантом в разделе о качестве, в действительности используют связку. Смысл этого объясняется в примечании. Оно гласит: категорические суждения сплошь ассерторичны²³. Функция связки в ассерторическом суждении состоит, следовательно, в преобразовании связи понятий в ассерторическое суждение, т. е. в высказывание, которое относится к действительности и к вещам. Связь, рассматриваемая как таковая, является связью понятия, которое подчинено другому понятию. Вещь, которая является субъектом категорического суждения, представлена понятием, которое подчинено понятию, служащему предикатом²⁴.

Подчинение, следовательно, представляет собой чисто понятийное и поэтому логическое отношение, встроенное в категорическое суждение. Логическая структура подчинения, следовательно, представляет собой принцип, стоящий за принципом категорического силлогизма. Принцип, из которого Кант выводит *dictum de omni et nullo**, имеет следующую форму:

*Что принадлежит признаку вещи, то принадлежит и самой вещи; и, что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи*²⁵.

* Речь обо всем и ни о чем (лат.). — Прим. перев.

Часть правила подчинения понятий, предполагаемая в принципе категорических силлогизмов, имеет следующий вид:

*Что принадлежит или противоречит высшим понятиям, то принадлежит или противоречит и всем низшим понятиям*²⁶.

Чтобы вывести принцип категорического силлогизма из принципа подчинения, следует добавить определение категорического суждения. Из этого определения следует, что категорическое суждение в силу своей ассерторичности относится к действительным вещам. Кроме того, остается еще один интересный вопрос. Насколько возможно реконструировать аристотелевскую теорию категорического силлогизма в рамках кантовской концепции чистой логики? Ответ на этот вопрос должен принимать во внимание то, что Кант говорил о «рациональных» частных суждениях²⁷. Конечно, можно возразить, что категорические суждения и, следовательно, суждения, встречающиеся в категорическом силлогизме, являются ассерторическими и тем самым относятся к «действительным вещам», что дает нам право снова применить аристотелевскую трактовку категорического силлогизма. Такое предложение, однако, несовместимо с кантовской идеей природы и функции *logica riva*. Чистая логика в соответствии с ее природой является исследованием логических отношений, связывающих понятия в проблематических суждениях. Эти отношения должны быть достаточными для экспликации всех логических отношений, включая и те отношения, в которых фигурируют ассерторические суждения. Для целей этой статьи мы можем оставить без ответа вопрос о том, каким образом категорическую силлогистику можно реконструировать в рамках кантовской идеи чистой логики, поскольку такая же проблема снова всплывет в гипотетических суждениях и в гипотетическом силлогизме, рассмотрение которых менее сложно.

2.3.1.3. Связь между определением разделительного суждения и логикой понятий очевидна. Составляющие суждения в разделительном суждении (а) все являются проблематическими суждениями. Они представляют собой (b) части сферы понятия или познания и определяют (с) всю сферу понятия. И, наконец, (d) из разделительного суждения следует, что одно из составляющих его суждений, неясно какое, является ассерторическим²⁸.

Большая посылка и, следовательно, правило силлогизма представляет собой разделительное суждение. Принципом разделительного силлогизма является принцип исключенного третьего. Если утверждение одного из членов дизъюнкции в меньшей посылке истинно, то все остальные ложны, и если утверждение всех других членов дизъюнкции ложно, то данный член дизъюнкции истинен. В идеальном случае дихотомии это означает, что утверждение одного члена дизъюнкции в меньшей посылке дает в заключение отрицание другого и что отрицание одного из членов дизъюнкции в меньшей посылке влечет за собой утвержде-

ние другого²⁹. Кант интерпретирует дизъюнкцию как строгую или исключительную дизъюнкцию.

Основанием этой интерпретации является глубинный принцип логики понятий. Кант понимает дизъюнкцию как разделение сферы познания. В то же время логическая форма разделения познания определяется логической формой разделения сферы понятия³⁰.

2.3.1.4. В логике понятий существует логическая структура, которую можно интерпретировать как гипотетическое суждение. В ряду субординации подчинений понятия связаны как основания познаний и обосновываемые познания. Поскольку подчиненные понятия являются *consequens*, а подчиняющие понятия являются как основания познания — *antecedens* * такого гипотетического суждения, то гипотетическое суждение не может иметь форму «Если *A*, то *B*», «Если человек, то животное». *B* — это антецедент, и, следовательно, в соответствии с теорией понятий правильный вариант этого «гипотетического» отношения — «*A*, только если *B*», «Человек, только если животное». Однако Кант понимает свое «гипотетическое суждение» так, что оно очень близко нашему пониманию имплицитивного условного суждения, и никогда не упоминает «только если», т. е. репликативное условное суждение. Таким образом, насколько я понимаю, он никогда не рассматривал упомянутую выше возможность сведения условных суждений к логике понятий. Однако «принцип основания» использовали некоторые из его последователей (прежде всего Фихте) в своих диалектических выводах³¹.

Материей гипотетического суждения являются два суждения. Эти суждения, взятые сами по себе, представляют собой проблематические суждения. Связывающая их форма представляет собой следование, т. е. то, что мы называем импликацией. Следование и вместе с ним гипотетическое суждение как целое является ассерторическим³².

Кант также упоминает, что следствие имеет два направления: если *antecedens* истинен, то *consequens* истинен, и если *consequens* ложен, то *antecedens* ложен³³. Однако уже само это определение гипотетического суждения представляет собой описание гипотетического силлогизма и двух присущих ему типов выводов. Принципом гипотетического силлогизма является принцип достаточного основания. Согласно ему, точнее принципу гипотетического суждения, вывод *modus ponens* в большей посылке содержит гипотетическое суждение, а в меньшей — утверждение *antecedens*, т. е. ассерторическое суждение, а в заключение — утверждение *consequens*, ставшего теперь ассерторическим суждением. Также и в *modus tollens* меньшая посылка представляет собой утверждение отрицания *consequens*, а отрицание — ассерторическое отрицание *antecedens*. В обоих случаях

* Основание, предшествующее (лат.). — Прим. перев.

меньшая посылка представляет собой преобразование проблематического высказывания в «категорическое высказывание», т. е. в ассерторическое суждение³⁴.

Кант сознает трудности, связанные с таким пониманием гипотетического суждения и гипотетического силлогизма. Он полагает, что гипотетический силлогизм с точки зрения чистой логики не может считаться «выводом разума»³⁵. «Вывод разума» требует «среднего термина», однако в гипотетическом силлогизме никакой средний термин не связывает суждения. Кант пытается решить эту проблему, указав на то, что гипотетический силлогизм является умозаключением рассудка, т. е. он представляет собой непосредственное умозаключение, подобно превращению, обращению и противопоставлению суждений³⁶.

Однако эта трактовка неудовлетворительна. Выводы превращения, обращения и противопоставления можно эксплицировать в терминах логики понятий без больших трудностей, поскольку в этих выводах используются только количество и качество суждений, а у Канта даны экспликации качества и количества в терминах логики понятий. Однако в своей экспликации гипотетического силлогизма Кант использует истинностные значения, связанные с ассерторическими суждениями. Только при помощи этих истинностных значений он в состоянии объяснить, что означает «следование» и импликация.

Заключительные замечания

Кантовская концепция общей чистой логики требует, чтобы логика абстрагировалась от всякого содержания и отношения к объектам. Она представляет собой логику, имеющую дело только с отношениями между понятиями, т. е. в ней нет места референции. Таким образом, логика и ее принцип — принцип непротиворечия в понятиях — ограничены проблематическими суждениями. Эта программа требует, чтобы все логические свойства и отношения вплоть до ассерторических суждений, т. е. суждений, обладающих референцией, отношением к реальности, следовало эксплицировать в терминах только проблематических суждений. Логические свойства и отношения имеют значение для высказываний только потому, что логические отношения базисных проблематических суждений определяют логические отношения между ассерторическими суждениями.

Однако более тщательное исследование показывает, что эта концепция не может объяснить гипотетические суждения и силлогизмы и, вероятно, также несовместима с полностью развитой теорией гипотетического силлогизма. Канту приходится ссылаться в этих случаях на референцию и истинностные значения.

Поскольку в задачи трансцендентальной логики входит и теория референции, т. е. прояснение того, каким образом в особенности понятия и суждения а priori могут относиться к объек-

там, различие между чистой формальной и трансцендентальной логикой не является очень строгим. Нестрогость этого различения связана с тем, что формальная логика, т. е. теория суждений, используемая как путеводная нить для метафизической дедукции категорий и стоящая также за логической реконструкцией системы идей чистого разума, не может быть сведена к *logica pura*. Таким образом, необходимо новое систематическое исследование знаменитой путеводной нити метафизической дедукции.

Кантовская концепция чистой логики и ее структуры тем не менее представляет собой интересную теорию, которая нуждается в дальнейшем исследовании. Не в последнюю очередь исследование в этом направлении необходимо потому, что мы имеем веские основания предполагать, что эта концепция формальной логики имеет большое значение для понимания формальной логики в ходе дальнейшего развития немецкого идеализма.

---

¹ Ср. *Logik//Kants Gesammelte Schriften*. Bd. IX. S. 20/21. «Критика чистого разума» цитируется по второму изданию. Остальные работы Канта цитируются по изданию Прусской академии наук *Kants Gesammelte Schriften* (совершенно KGS).

Ссылки на «Критику чистого разума» даются в тексте посредством обычных обозначений, например, В 123, и указания соответствующего места в русском издании Канта. Русский перевод «Логики» цитируется по изданию: Кант И. Логика// Тракаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 319—444 — и обозначается Логика. 000. — *Прим. перев.*

² Arnauld A. *La Logique ou l'art de penser*. 1662. Цитируется по немецкому переводу: Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. (Русский перевод: Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М.: Наука, 1991).

³ Arnauld A. *loc. cit.* Гл. III, VI, VII.

⁴ Ср. *Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren erwiesen// KGS*. II. 45—62. (Русский перевод: Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма// (2, 59—78).).

⁵ Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. Lasson, Meiner, 1931. Bd. I. 34. Bd. II. 331. (Русский перевод: Гегель Г. Наука логики. М.: Наука, 1970—1972).

⁶ Кант вдобавок различает общую прикладную и общую чистую логику. Первая включает исследование эмпирических субъективных, т. е. психологических, условий для правильного применения правил общей чистой логики.

⁷ Arnauld A. *l. c.* Гл. VI. (Русский перевод: Арно А., Николь П. Логика... С. 51—53.)

⁸ *Logik*. 58. (Логика. 365.)

⁹ *Logik*. 104. Прим. 2. (Логика. 406—407.)

¹⁰ В противоречивом понятии «ничего не мыслится».

¹¹ *Logik*. 59. Ср. 62. (Логика. 366.)

¹² *Logik*. 59. Ср. 62, 97. (Логика. 366.)

¹³ *Logik*. 95/96, 106—108, 130, 146. (Логика. 402, 408—410, 429, 442.)

¹⁴ *Logik*. 103. § 21, прим. (Логика. 405—406.)

¹⁵ *Logik*. 103—104. § 22. (Логика. 406—407.) (Ср. В 97 — 3, 169—170.)

¹⁶ *Logik*. 105. § 24, прим. (Логика. 407.)

¹⁷ *Logik*. 109, прим. (Логика. 411.)

¹⁸ *Logik*. 108/109. (Логика. 411.)

¹⁹ *Logik*. 109. (Логика. 411.) (Ср. В 100 — 3, 171.)

²⁰ *Logik*. 53. (Логика. 360.)

- ²¹ Logik. 120. (Логика. 420—421.)
²² Logik. 105. § 24. (Логика. 407.)
²³ Logik. 105, прим. 1. (Логика. 407.)
²⁴ Logik. 107, прим. (Логика. 409.)
²⁵ Logik. 123. § 63. (Логика. 423.)
²⁶ Logik. 98. § 14. (Логика. 401—402.)
²⁷ См. выше 2.1 и прим. 23.
²⁸ Logik. 106/107. § 28. (Логика. 408—409.)
²⁹ Logik. 129/130. §§ 77 и 78. (Логика. 429—430.)
³⁰ Logik. 146. § 110. Ср. 96. § 8. (Логика. 441. 399—400.) (Ср. также
 В 379—380 — 3, 355—356).
³¹ Logik. 105. § 25. (Логика. 407—408.)
³² Logik. 105. (Логика. 408.)
³³ Logik. 106. § 26. (Логика. 408.)
³⁴ Logik. 129. §§ 75, 76. (Логика. 428—429.)
³⁵ Logik. 129. (Логика. 428—429.)

³⁶ По-иному выглядит вывод разума, основанный на гипотетическом силлогизме, в трансцендентальной философии. В качестве его посылок фигурируют (а) гипотетический силлогизм и (б) принцип разума: если дано обусловленное, то должна быть дана целокупность условий. Заключение представляют собой тезис и антитезис антиномий (ср. В 379/380 — 3, 355—356).

Перевод с английского В. Н. Брюшинкина.

Кант и проблема текстового а priori

И. Д. КОПЦЕВ

(Калининградский государственный университет)

Цель настоящей статьи — затронуть вопрос о текстовом априори, исходя как из буквы, так и из духа Кантова учения об общих априорных предпосылках получения научного знания. Такая постановка вопроса вполне правомерна, потому что Кант, по мнению Ю. С. Степанова, «впервые определенно связал функции мышления с формами суждений и, следовательно, предложил путь, не рассуждая об этом специально, от форм суждений к формам языка»¹. Несомненно, прав Г. Гиппер в том, что «именно язык доставляет нам прекрасный пример того синтеза чувственности и рассудка, которого так ищет Кант»².

Действительно, двойственная природа языкового знака, его обращенность, с одной стороны, своей материальной стороной к чувственности, а идеальной стороной к сознанию и мышлению, с другой, как нельзя лучше подходит на роль того чувственного многообразного, данного в эмпирическом созерцании, которое затем синтезируется с помощью априорных форм созерцания и мышления с целью получения предметного знания о мире.

«Категорический синтез», — говорит П. Рос, — есть синтез, непосредственно связанный с языком, с высказыванием. ...Мы не можем говорить, не производя категориального синтеза. И мы не можем производить категориальный синтез вне акта говорения»³. Подобное же отмечает и С. А. Чернов: «Мышление обнаруживает и реализует себя в природном материале — в